

ЗАГОВОРЫ, притягивающие женскую силу,

сильная женщина

Антонина Соколова
Заговоры, притягивающие
женскую силу
Серия «Сильная женщина»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6356398

*Заговоры, притягивающие женскую силу : РИПОЛ классик; М.: 2013
ISBN 978-5-386-06574-4*

Аннотация

Какая женщина не хочет на всю жизнь сохранить красоту и очарование, защитить близких, подарить счастье и удачу детям, сохранить любовь мужа и сделать свой дом красивым и уютным? Специально для вас, милые женщины, мы собрали лучшие, проверенные самим временем заговоры и обряды, которыми на протяжении столетий успешно пользовались еще наши бабушки. Прочитав нашу книгу, вы поймете, что ваше счастье зависит только от вас, а воплощать в жизнь все свои мечты не так уж и сложно.

Содержание

Заговоры на любовь	4
Заговор на встречу	4
Заговор для девушки, чтобы присниться юноше	6
Заговоры для девушки на любовь юноши	7
Заговоры для юноши на любовь девушки	11
Заговор для девушки, расстающейся с любимым	20
Заговоры на охлаждение чувства	21
Заговор на разлуку	23
Заговоры от тоски	24
Заговор для девушек	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Заговоры, притягивающие женскую силу

Заговоры на любовь

Заговор на встречу

Чтобы юноша пришел к девушке, она должна стать у его двери и шепотом или мысленно двенадцать раз повторить такие слова.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь, аминь, аминь. Зову-зазываю я, раба Божия (имя), не из трубы печной, не из земли сырой, не из волны морской, не из-под забора плетеного, не из-за калитки надежной, не из храма христианского, а с этих ступеней доброго молодца, моего суженого, раба Божиего (имя).

Дума его, зови ко мне, рабе Божией (имя); мысль его, приведи ко мне, рабе Божией (имя), аминь, аминь, аминь. Поставлю с левой стороны от него, раба Божиего (имя), одного проводителя; поставлю с правой стороны от него, раба Божиего (имя), другого проводителя. Вы, проводители верные, призовите и приведите ко мне, рабе Божией (имя), суженого моего, раба Божиего (имя), аминь, аминь,

*аминь. Словом своим крепким заклиная, делом надежным
скрепляю, ключом железным закрываю. Дух его, раба Божи-
его (имя), приходи ко мне, рабе Божией (имя). Аминь, аминь,
аминь.*

Заговор для девушки, чтобы присниться юноше

Лунной ночью выйти на улицу или на балкон, перекрестить рот и, глядя на луну, три раза повторить заговор.

Сон крепкий, сон сладкий, сон обо мне, рабе Божией (имя), сон в тебе, рабе Божиим (имя). Аминь, аминь, аминь.

Заговоры для девушки на любовь юноши

Положить красное яблоко рядом с иконой Божией Матери, стать за порогом дома и три раза повторить заговор.

Как яблочко красное, яблочко наливное сохнет-высыхает, так пусть сохнет-высыхает, день и ночь вздыхает по мне, красной девице, рабе Божией (имя), молодец, раб Божий (имя). Как яблочко то наливное червячок точит, так пусть точит грусть-тоска кручинная сердце ретивое доброго молодца, раба Божиего (имя); яблочко гнилью загнивает, а молодец добрый, раб Божий (имя), по мне, рабе Божией (имя), скучает, тоскует, печалится, видеть желает. Матушка Пресвятая Богородица, Пречистая Дева Мария, Матерь Божия, всели в раба Божиего (имя) мысли обо мне, рабе Божией (имя), чтобы тосковал он и кручинился по мне, рабе Божией (имя), день-деньской, ночью темной, и в полдень, и в полночь, в каждую минуту, в каждый час, в каждый день, в каждый год, на новый месяц, на перекрое месяца, на исходе месяца, чтобы сох-высыхал, все по мне, рабе Божией (имя), скучал, радости не знал. Как то яблочко высухшее тлеть будет, так пусть сохнет, меня не забывает раб Божий (имя); не забывает ни через минуту, ни через час, ни через день, ни через год. Пусть не ведает он ни забот, ни хлопот, а лишь по мне, рабе Божией (имя), тоскует, кручи-

нится да желает видеть всякую минуту, всякий час, всякий день. Слова мои крепки и надежны. Заговору сему исполнится, а моему милому, рабу Божиему (имя), меня, рабу Божию (имя), вовек не забывать. Аминь, аминь, аминь.

* * *

Жарко натопить баню, стать на банный веник ногами и сказать такие слова.

Выйду я, раба Божия (имя), из жаркой бани, встану я, раба Божия (имя), белыми ногами на веник распаренный, дуну, плюну в четыре стороны, в четыре ветра буйных, кликну из поля чистого четырех молодцев, четырех братьев, четырех птиц долгоносых, остроносых, с носами коваными. Ты, белый кречет, птица остроносая, острый нож и острое копье, ты лети-полети прочь из чистого поля, ты, полети белый кречет, к рабу Божиему (имя), сядь на его белую грудь, на сердце ретивое и порежь его белую грудь тем острым ножом, ты коли его сердце ретивое тем острым копьем, вынь из его сердца ретивого, из груди белой, из печени черной, из кровушки алой тоску-кручину, печаль лютую; ты полети, белый кречет, и снеси всю тоску-кручину и печаль лютую, но в море-океан не опусти, на землю сырую не урони, на стуже не вызноби, на ветрах не иссуши, на солнце горячем не зажарь; а неси ты, белый кречет, ту тоску-кручину, всю сухоту, всю юноту до раба Божиего, доброго мо-

лодца (имя); где его видеть, где его слышать, в чистом поле ли, на улице ли, при расставанье или в пути-дороге, в бане жаркой, за столом обеденным, в светлице или за околицей, за кушаньями медвяными, в мягкой постели, при крепком сне, сядь, белый кречет, на белую грудь раба Божиего (имя), на его ретивое сердце, режь ножом острым его белую грудь, коли копьем длинным сердце ретивое, всели в кровушку алую тоску-кручину, всю сухоту, всю маету, всю юноту в его хоть, в его плоть, в семьдесят жил, в семьдесят поджилков, в семьдесят суставов, в семьдесят подсуставов, в голову буйную, в лицо белое, в брови черные, в красу молодецкую, в уста сахарные. Пусть раб Божий, молодец (имя), чах чахотой, тосковал тоской, печалился печалью в день при солнце, в ночь при луне, при новом месяце, при перекрое месяца, при старом месяце, на утренней заре, на вечерней заре, во всякую минуту, во всякий час, во всякий день.

Как месяц май мается, так пусть и раб Божий (имя), мается в тоске по мне, рабе Божией (имя). Не смог бы он, раб Божий (имя), ту тоску по мне, рабе Божией (имя), ни переходить, ни заспать, ни заесть, ни запить, ни словом замолвить отныне и вовек, чтобы не смог он, раб Божий (имя), без меня, рабы Божией (имя), ни быть, ни жить, ни пить, ни есть всякий час и всякий день, ни на новый месяц, ни на перекрое месяца, ни на старый месяц. Как месяц май мается, так и рабу Божиему (имя) маяться по мне, рабе Божией (имя), вовек, каждый день и каждый час. Слово мое крепко.

Это слово мое наговоренное, договоренное, переговоренное, а которое осталось, берите, мое слово острее ножа острого, острее копыа длинного, острее стрелы каленой, быстрее сокола, звонче воды студеной. Моему заговору есть слово ключевое, а ключ тот и замок им отпираемый в рыбине сокрыты, а рыба та в море-океане ходит. Никому той рыбыны не поймать, ключа не доставать, замка не отпирать, слово мое не разрушить. Отныне и вовек, аминь, аминь, аминь.

** * **

Как пойду я, раба Божия (имя), за околицу, выйду в чистое поле, просторное, широкое, а в поле том чистом стоит дуб вековечный, а на дубе том вековечном сидит птица-кречет. Подойду я, раба Божия (имя), к тому кречету белому, поклонюсь низко и скажу такие слова: «Ты, кречет белый, полети в чистое поле, за синее море, за высокие горы, за непроходимые леса, за дремучий бор, за болото топкое; ты обратись, белый кречет, к силе окаянной, чтобы она, сила окаянная, даровала помощь свою, чтобы пойти в терем высокий, расписной, в светлицу молодца, раба Божиего (имя). Ты сядь, белый кречет, на белую грудь доброго молодца, раба (имя), на сердце его ретивое, на печень его черную; ты прикажи, белый кречет, рабу Божиему (имя), чтобы не мог без меня, рабы Божией (имя), ни быть, ни жить, ни есть, ни пить, ни спать, ни дневать.

Заговоры для юноши на любовь девушки

В далеком море-океане, на славном острове Буяне сидит тоска-кручина, сидит тоска-кручина, бьется тоска-кручина, убивается тоска-кручина, с доски в воду морскую, из воды морской в полымя огненное, из полымя огненного выбежал ведьмак, вопил: «Павушика Романей, беги скорей, дуй рабе Божией (имя) в уста сахарные, алые, в зубы белые, в ее кости и пакости, в сердце горячее, ретивое, в печень черную, в тело белое, чтобы раба Божия (имя) затосковала, тосковала всякую минуту, всякий час, всякий день, по полуночам, по полудням, пила – не пила, ела – не заела, спала – не заспала, а тоской тосковала, чтобы я, раб Божий (имя), ей был милее чужого молодца, лучшие батюшки родного, лучшие матушки родимой, лучше роду-племени. Слово мое крепко. Запираю заговор мой семью крепкими замками, семидесятью крепкими цепями, а ключи бросаю на дно глубокого моря-океана, под камень Алатырь. Кто мудрее меня найдет, кто перетаскает весь песок со дна морского и достанет тот ключ, разгонит тоску девичью по мне, доброму молодцу».

Наполнена земля дивности и чар. На море-океане, на славном острове Буяне стоит белый камень Алатырь, на вершине того камня Алатыря поставлена огнепальная баня, в той бане положена разжигаемая доска, а на ту доску — еще тридцать три тоски-кручины. Мечутся они в светлице меж огняпольмья банного, кидаются-бросаются из стороны в сторону, из угла в угол, из стены в стену, с пола до потолка, а оттуда во все края, по всем путям-дороженькам, аером и воздухом. Кидайтесь, тоски-кручины, мечитесь, тоски-кручины, в буйную голову девицы красной, в лик ее прекрасный, в тыл, в очи ясные, в ум-разум, в хотенье и волю, в тело белое, в кровушку горячую, в сердце пылкое и ретивое, во все кости и пакости, в семьдесят суставов, полусуставов и подсуставов, во все семьдесят жил, полужил, поджил и поджилков, чтобы тоска-кручина взяла ее крепко-накрепко, чтобы лила она слезы и печалилась каждую минуту, каждый час, каждый день и нигде не была бы весела во всякое время, чтобы без тоски по мне не могла прожить ни секундочки, как рыба без воды. Бросалась бы, кидалась бы она из окошка в окошко, металась из светлицы в светлицу, от стены до стены, из угла в угол, из ворот в ворота, во все пути-дороженьки, во все перепутья с трепетом, плачем и рыданиями неутешными, спешно шла бы и

горевала бы. И ни минуточки не могла бы пробыть без меня. Думала бы обо мне каждую минуту, каждый час, каждый день, спала бы – не заспала, пила бы – не запила, ела бы – не заела, не боялась бы ничего, думала бы только обо мне, а я казался милее всех, краше другого молодца, лучше батюшки родимого, лучше матушки, милее солнца ясного, милее луны прекрасной, милее всякого, даже сна своего, во всякое время: на молодую, под полную луну, на перекрое месяца и под новый месяц. Слово мое крепкое – утверждение тому, им же укрепляется заговор, отмыкается и замыкается. А если кто, кроме меня, захочет отомкнуть замок сей, то будет, как червь, в свинце ореховом. Ни аером, ни воздухом, ни водою, ни грозой слово мое крепкое и нерушимое не отомкнуть.

* * *

За далеким морем-океаном, на славном острове Буяне стоит бел-горюч камень Алатырь. Никем он неведом, никем не найден. Под камнем тем таится сила могучая, и силе той нет конца и края. Выпускаю я, раб Божий (имя), ту силу могучую на красную девицу, рабу Божию (имя), вдуваю я ту силу могучую во все ее суставы, полусуставы, подсуставы, во все жилы, полужилы и поджилки, во все ее кости и пако-сти, в очи ее ясные, в щеки ее румяные, в грудь ее белую, в сердце ее жарко и ретивое, в утробу ее, в ее ноги и руки. Схо-

ронись ты, сила могучая, в девице красной крепко-накрепко, будь неисходна, а жги ты, сила могучая, сердце ее ретивое, кровушку ее алую на любовь к любовному доброму молодцу (имя). А стала бы красная девица (имя) во всем послушной и смиренной доброму молодцу (имя), на всю жизнь, вовеки вечные. И ничем той девице красной не отговориться от слова моего крепкого: ни приговором, ни заговором. Никто не смог бы тот заговор отговорить: ни млад, ни стар человек. Заговор мой крепок и нерушим, как камень алатырь. Кто из моря-океана всю воду выпьет, с поля широкого всю траву шелковую повыщиплет, и тому моего слова не разрушить, не превозмочь, силу могучую от девицы красной не отвлечь.

* * *

На земле немецкой и на земле русской владычествует царь огненный, иссушил он силой своей коварной все реки и озера, моря и океаны, ручьи и ручейки мелкие. Как в тех ветрах царевых сохнет земля и вода, так пусть сохнет красная девица, раба Божия (имя), по мне, доброму молодцу, рабу Божиему (имя), сохнет каждый день, каждую ночь, каждый час, каждую минуту, на новом месяце, на перекрое и на старом месяце, во все меженные дни и ночи, чтобы не могла она, раба Божия (имя), прожить без меня, раба Божиего (имя), ни дня, ни часа, чтобы не могла она ни пить, ни есть, ни спать, ни жить, ни быть. В семидесяти жилах

и поджилках, в семидесяти суставах и подсуставах, в пространной жиле и везде пусть болит у нее и сохнет по мне, доброму молодцу, рабу Божиему (имя). В чистом поле стоит Феоклист, да кругом все иссохло. Ночью, при луне, месяце и ясных звездах, днем, при солнце ярком, при частом дожде и в ведро в семидесяти жилах и поджилках, в семидесяти суставах и подсуставах пусть болит и сохнет у нее, красной девицы, рабы Божией (имя), от печали и тоски по мне, доброму молодцу, рабу Божиему (имя). Днем и ночью, на вечерней заре и на утренней заре, на старом месяце и новом месяце, при луне и при солнце, во всякий день, во всякий час, во всякую минуту чтобы не могла прожить раба Божия (имя) без меня, раба Божиего (имя), не могла ни жить, ни быть, ни есть, ни пить. А в чистом поле том стоит печка медная, а вложены в нее дрова дубовые, жарко разгораются дрова дубовые. От огня того разгорается и любовь в сердце девичьем, рабы Божией (имя), любовь ко мне, рабу Божиему (имя). Двадцать четыре часа дневных и ночных, на новом месяце, на старом месяце, каждый час, каждый день ни могла бы она, раба Божия (имя), без меня, раба Божиего (имя), ни жить, ни быть. Слово мое крепко. Заговору моему есть ключ и замок, и никому тот ключ не достать, замка не отпирать. Аминь, аминь, аминь.

Встану я, добрый молодец, раб Божий (имя), не благословясь, пойду я, раб Божий (имя), не перекрестясь, из светлицы в двери, из дверей в другие двери, а из тех дверей за ворота, из ворот в чистое поле. А в том поле есть море-океан, а в том море-океане есть бел-горюч камень алатырь, а на маковке камня того стоит столб высокий, от земли до неба, а на столбе том притаилась змея жгучая, змея жгучая, опалючая. Поклонюсь я той змее, смирю гордость и спесь и скажу такие слова: «Ой, ты еси, змея-змеюшка, не пали и не жги ты меня, раба Божиего (имя), а полети ты в сторону восточную, залети ты, змея-змеюшка, в терем высокий, в покои новые, просторные, опустишь ты, змея-змеюшка, на перину пуховую, перину пуховую, мягкую, на подушку шелковую к красной девице, рабе Божией (имя), распали-разожги ты ее сердце ретивое, печень черную, тело белое, кровушку алую, горячую, все жилы, закокотные и поднятные, чтобы она, раба Божия (имя), не могла ни минуты, ни часа, ни дня без меня, раба Божиего (имя), ни быть, ни жить, ни часа часоватъ, ни минуты миновать, рано утром вставала бы – обо мне думала, вечером ложилась бы – обо мне тосковала, пошла бы ко мне, рабу Божиему (имя), величала; ни с кем бы она, раба Божия (имя), думы не думала, мысли не мыслила, речей не говорила, плоду не плодила, ни с матушкой родной,

ни с батюшкой родимым, ни с братьевьями, ни с сестрами, ни на новый месяц, ни на перекрое месяца, ни на старый месяц». Будет мое слово крепко-накрепко заперто, а заговор сполна переговорен. Ключом заговор замыкаю, ключ – в зубы, замок – в роток.

* * *

Чтобы любовь девушки была крепкой, следует прочитать такой заговор.

Лягу я, раб Божий (имя), на заре вечерней, помолясь, встану, перекрестясь, выйду из двери, из ворот в ворота, пойду в чистое поле, под звезды ясные, лучезарные, под луну прекрасную, под луну Господню. Раскинулись передо мной три дороги: не пойду я по левой дороге, не пойду я по правой дороге, а пойду я по дороге срединной, а путь-дороженька та пролегла через бор дремучий, лес непроходимый. А в том темном бору стоит дерево тоски-кручины, тоскует-кручинится тоска-печаль, и вселю я ту тоску-кручину в красну девицу, рабу Божию (имя). Войди ты, тоска-кручина в ее сердце ретивое, в грудь ее белую, в тело ее, в косы русые, в кровушку алую, горячую, чтобы она тосковала по доброму молодцу, рабу Божиему (имя), и все время думала обо мне. И ела бы – не ела, и пила бы – не пила, и спала бы – не заспала, а все печалилась бы обо мне и меня, раба Божиего (имя), в памяти держала. Как луне и солнцу преграды нет, так и

моему слову преграды нет. Аминь, аминь, аминь.

* * *

Взять пряник, три раза наговорить на него заговор и отдать пряник девушке. Если девушка съест его, то крепко полюбит юношу.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь, аминь, аминь. Встану я, раб Божий, благословясь, выйду за околицу, перекрестясь, и пойду в чистое поле, поле широкое, просторное. Помолюсь трем ветрам буйным, трем братьям свободным: «Ветер Моисей, ветер Луна, ветер Вихорь буйный! Вы, ветры, дуйте сильнее, винтите по всему белу свету и по всему миру христианскому, разожгите огонь в сердце девичьем и сведите ее, рабу Божию (имя), со мной, добрым молодцом, рабом Божиим (имя). Сведите как хоть с хотью, душу с душою, тело с телом, плоть с плотью; не растеряйте моей присухи ни на лес, ни на землю, ни на воду, ни на скотину домашнюю, ни за зверя дикого: в воду уроните – вода разом высохнет, на землю уроните – сгорит земля, на скотину уроните – посохнет скотина, на зверя уроните – посохнет зверь, на лес уроните – повянут травы да деревья. Вы, ветры, несите присуху и донесите ее до рабы Божией (имя), красную девицу, в ее тело белое, в хоть, в плоть и в сердце жаркое, ретивое, чтобы та девица красная не смогла без меня, доброго молодца, раба Божиего (имя),

ни есть, ни пить, ни спать, ни слово молвить, ни жить, ни быть, ни думу думать, ни дневать, ни ночевать, ни часа часовать, все обо мне, рабе Божиим (имя), печалилась и тосковала бы и всегда помнила. Как в чистом поле бескрайнем сидит сводница, а у бабы той есть печка каменная, чудесная, а в печи той каменной, чудесной – кунган литр, а в кунгане том всяческая вещь кипит-воскипит, сохнет-высыхает. Так и раба Божия, красная девица (имя), пусть обо мне сохнет-высыхает, сердцем кипит, кровушкой алой горит. Не прожить ей без меня ни дня, ни часа, ни минуты, ни полминуты. Слово мое крепко. Не разрушить его ни питьем, ни думой отдуматься, ни в жаркой бане отпариться. Заговору моему есть ключ и замок, прочный и надежный, как замок на церкви христианской. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь, аминь, аминь.

Заговор для девушки, расстающейся с любимым

*Ложилась я, раба Божия (имя), спать в темную-притем-
ную зорю, поздним-поздно. А вставала я, раба Божия (имя),
в зорю утреннюю, светлым-светло, ранним утречком. Умы-
валась я водою свежесою, студеною из горного ручья; утира-
лась платом белым. Вышла я из дверей, пошла из ворот в
ворота, во широкое чистое поле. В чистом поле огляделась,
охорошилась, поклонилась на юг, поклонилась на север, по-
клонилась на восток, поклонилась на запад, на камень ала-
тырь взобралась, крепкое слово молвила, частыми звезда-
ми обтыкалась, темной тучей прикрылась. Заговариваю я,
раба Божия (имя), своего любимого, молодца доброго, соко-
лика ясного, о сбережении в пути-дороженьке. Крепко мое
слово на век, на всю жизнь. Кто на лугу всю траву выщип-
лет, из моря-океана всю воду выпьет и не взалкает, тот
бы мое слово не пересилил, мой заговор не разрушил. Кто из
недобрых людей его обзорочит, обпризорочит, околдуует или
испортит, очи того вылезут и изо лба выворотит их на за-
тылок. А моему любимому, молодцу доброму (имя), добрый
и чистый путь-дороженька, крепкое здоровье.*

Заговоры на охлаждение чувства

Как широкая река Волга течет-льется, как песок споласкивается морскою водой, как ветви переплетаются, так пусть и раб Божий (имя) перестанет видеться с рабой Божией (имя), ни в ярость, ни в юность, ни в плоть, ни в кровь, ни в любовь. Как в тереме высоком, в подполе темном сидит сатанина, простоволоса, долговолоса, глаза выпученные. Как у кошки и собаки, как у собаки и волка, так пусть и между рабой Божией (имя) и рабом Божиим (имя) поселится вражда. Пусть вражда та живет и днем, и ночью, и на утренней заре, и на вечерней заре, и в полдень, и в полночь. Заговор мой крепок и тверд, подобно камню алатырю.

* * *

Встану я, не благословясь, пойду я, не перекрестясь, из дверей в двери, из тех дверей, прочь из избы, из двора не воротами, не калиткой, а мышинной норой, волчьей тропой, увесистым бревном, пойду на улицу широкую, спущусь под гору, остановлюсь у двух высоких гор да возьму из-под каждой по горсти сырой землицы. Как две горы вовек не сойдутся, так пусть и раб Божий (имя) вовек не сойдется с рабой Божией (имя), не сойдется, не сдвинется. Одна гора глядит на другую, глядит, молчит, ни слова не молвит, так пусть и раб

Божий (имя) никогда не говорит с рабой Божией (имя). Чур от девицы красной; чур от простоволоски; чур от женки; чур от белоголовки; чур от старика; чур от неверных; чур от змей-ящериц.

** * **

Море с морем сбегается, дерево с деревом срастается, травинка с травинкой развивается, цветок с цветком слипается, гора с горой никогда не сходится. А от той травинки шелковой возьму белый цвет, пойду в широкую долину, выйду на узкую тропину, возьму горсть землицы сырой, сяду под деревом, выйду на широкую поляну, осмотрюсь-огляжусь, гляну во все четыре стороны: посмотрю на север, посмотрю на юг, посмотрю на запад, посмотрю на восток. Не идет ли раб Божий (имя)? Кину-брошу я в чистое поле ту травинку-былинку, белый цвет. Как одна гора не сходится с другой, так пусть и раб Божий (имя) никогда не сходится с рабой Божией (имя), не сходится и не сдвигается. Слово мое крепко, заговор заперт на замок, а ключ от того замка лежит на дне морском, под горячим камнем алатырем. Никому того ключа не поймать, замка не отпирать, слова моего не нарушать. Аминь, аминь, аминь.

Заговор на разлуку

Выйду я (имя) на просторный двор, зайду я (имя) в высокий терем, запищу я (имя) на остуду, разлуку вечную, разлучился бы раб Божий (имя) с рабой Божией (имя), чтобы она не пала ему на глаза ни при солнце, ни при луне, ни днем, ни ночью, ни на утренней заре, ни на вечерней заре; чтобы она в светлицу, а он из светлицы, она на улицу, а он с улицы; пусть кажется она ему чернее ведьмы-вещуньи, страшнее медведицы злобной. Какое платье ни надела бы она, хоть белое, хоть черное, хоть цветное-расписное, пусть кажется ему немилой, и чтобы его кулаки не сходили с ее зубов. Хоть бы хорошо она делала, а ему она не мила, не любя; хоть по уму делала, а все глупой ему казалась. Пусть пошел бы он за ворота, на улицу широкую, разговорился-развеселился с людьми добрыми, потом пошел бы домой, вошел бы в избу свою и повалился на постель. И есть у него подружка – пуховая подушка. Пусть с ней он разгонит-развеет печаль-кручину свою. Слово мое крепко. Никому его не разрушить, не сломать.

Заговоры от тоски

Крест, крест, крест, крест крестом, человек, народись, крест, водрузись, Сатана, связая и провалися; Бог, прославься! Во имя Отца и Сына и Святого Духа, и ныне и присно и во веки веков. Аминь, аминь, аминь.

** * **

На море-океане, на море Кияне, на острове Буяне, на широкой поляне, под старым дубом мокрецким, сидит раб Божий (имя), тоскует и кручинится в тоске неведомой, кручине недознаваемой. Идут мимо восемь старцев; старцев незваных, непрошенных. Гой ты, еси раб Божий (имя), что сидишь печалишься, кручинишься на широкой поляне, на острове Буяне, на море Кияне, в море-океане? И молвил раб Божий (имя) восьми старцам: «Одолела меня беда-кручина, тоска непрошенная, ножом острым застряла в сердце горячем, щемит сердечко, болит моя головушка, опостылел белый свет, не мила родимая сторонушка». Воззовиши все старцы, старец со старцем, громко и грозно кричали они, ломали тоску-кручину, бросали ее за ворота. Кидма кидалась тоска-кручина, от запада на восток, от реки до моря-океана, бросилась она на остров Буян, на море-океан, на дуб мокрецкий. Заговариваю я, раба Божия (имя), от непро-

*шеной тоски-кручины по сей час, по сию минуту, по сей день.
Слово мое крепко. Никто не разрушит, не превозможет его
ни аером, ни духом.*

Заговор для девушек

С севера на юг, с востока на запад, от реки до моря-океана, от пути до перепутья протянулась широкая дороженька, всем дорогам большая и многотрудная. По той дороженьке шли три девицы, дочери Иродовы, а в руках несли прутья ивовые. Шли они в мир кости сушить, тело рушить и знобить, недугами и тоской-кручиной мучать. С востока на запад, с севера на юг, от реки до моря-океана, на путях-перепутьях выросла шелковая травушка-муравушка, а во травушке, во муравушке той схоронилась тоска-кручина, а сидела она и думу думала, как людей изводить, крушить, мучать, чтобы света белого он не взвидели. С севера на восток, с востока на запад, от реки до моря-океана, посреди Москвы белокаменной высится терем боярский, а в тереме том, в просторной светлице сидит красная девица, тоской и печалью изводится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.